

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-95-107

УДК 821.161.1

Иван Гончаров — учитель цесаревича Николая Александровича (новые материалы)

А.Ю. Балакин

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот документы, рассказы-вающие о том, как в 1857–1858 гг. И.А. Гончаров преподавал русский язык и словесность наследнику престола, вел. кн. Николаю Александровичу. Это мемуарная записка учителя цесаревича Я.К. Грота, дневники его жены Н.П. Грот, а также журнал занятий Николая Александровича за время преподавания Гончарова.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, вел. кн. Николай Александрович, Я.К. Грот, Н.П. Грот, В.П. Титов, В.И. Классовский, императорский дом, преподавание.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин, к.ф.н., ст. научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; ст. преподаватель Филологического факультета СПбГУ. E-mail: balakin@inbox.ru

Выпускник Словесного отделения Московского университета Иван Гончаров никогда официально не служил учителем, хотя некоторые его сокурсники выбрали педагогическую карьеру¹. Тем не менее, подобно многим необеспеченным столичным чиновникам, ему приходилось подрабатывать уроками, преподавая русский язык и словесность частным порядком. Известно, что в середине 1830-х гг. учениками Гончарова были сыновья живописца Н.А. Майкова, которых он готовил к поступлению в университет; о других его учениках можно только догадываться².

¹ Прежде всего стоит назвать его брата, Николая (см.: *Трофимов Ж.А.* Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2008. С. 12–13) и ближайшего университетского товарища Е.Е. Барышева (ему в 1881 г. Гончаров посвятил некролог, см.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 219–222).

² А.Н. Майков писал в автобиографии, что «Гончаров [...] кончив курс в Московском университете, приехал на службу в Петербург и давал уроки русской литературы и истории в знатных домах» (РНБ. Ф. 453. Ед. хр. 1. Л. 2 об.;

В неоконченном романе «Эпизоды из жизни Райского» (при завершении получившем название «Обрыв») присутствует второстепенный персонаж, учитель Ельнин, в историю которого несомненно вплетены автобиографические мотивы. Ученица Ельнина Софья Николаевна Беловодова так рассказывала своему кузену Борису Райскому о его уроках: «Ельнин... учитель... прочел мне “Горе от ума”, Лермонтова, Пушкина — всё почти... хотел читать какого-то нового автора, но татап узнала и запретила... [...] Ельнин продолжал читать со мной, хотел заставить и меня сочинять, но я понять не могла, как это делается, спросила рара, он прочел мне стихи Ламартина и сказал, что так надо сочинять или никак... даже татап улыбнулась, и когда Ельнин пришел вечером, они шутили с ним и смеялись над сочинениями. С тех пор он не давал мне самой сочинять, а только всё читал мне, много читал, но я скоро забывала...»³. Думается, этот фрагмент может дать представление о том, как проходили уроки самого Гончарова. О важности для воспитания молодых людей именно уроков словесности он позднее писал одной из своих корреспонденток: «...в преподавание теории и истории языка и отечественной литературы входит до значительной степени преподавание, можно сказать, самой жизни. При разборе произведений литературы приходится касаться всех вопросов, интересов, понятий, страстей, словом, всего, чем живет общество»⁴. Подобные высказывания можно найти как в других письмах Гончарова, так и в мемуарах о нем. Впрочем, обобщающих работ о его педагогических взглядах не существует.

Биографам И.А. Гончарова давно известен факт, что в 1857 и 1858 годах, уже достигнув значительного продвижения по служебной лестнице и будучи вполне обеспеченным человеком, он давал уроки русского языка и словесности наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу. Еще в 1914 г. в приложениях к своей книге «Un maître du roman russe Ivan Gontcharov» французский славист Андре Мазон опубликовал два документа, рассказывающих об этом. Первой шла выписка из двух дел архива Министерства императорского двора — о назначении Гончарова преподавателем русского языка к цесаревичу Николаю Александровичу и плате ему за полгода занятий в виде подарка (бриллиантовый перстень с рубином), ценой эквивалентного по 8-ми рублей серебром за урок. За ней был помещен документ объемом полторы стра-

с изменениями опубликовано: Русский художественный листок. 1858. № 7. Без pag.).

³ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2008. Т. 8, кн. 1. С. 37, 38 (впервые: Современник. 1860. № 2). В окончательном тексте романа «Обрыв» этот фрагмент снят.

⁴ Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 433; письмо от 26 ноября 1877 г. неустановленному лицу (Марии Михайловне).

ницы, озаглавленный Мазоном «Extrait des archives de la famille Grote communiqué par K. Iak. Grote, directeur des Archives du Ministère de la Cour» («Экстракт из семейного архива Гротов, сообщенный К.Я. Гротом, директором архива Министерства императорского двора») и представляющий собой записку об истории преподавания Гончаровым русского языка цесаревичу⁵. Впоследствии было опубликовано несколько писем Гончарова и мемуаров о нем с упоминанием о факте преподавания⁶; этой же темы сам писатель коснулся в «Необыкновенной истории», отвечая на упреки в «искательстве» благосклонности двора⁷. Однако опубликованный Мазоном «экстракт» до сих пор оставался по сути единственным развернутым свидетельством об этом эпизоде биографии автора «Обломова». Несмотря на то, что он бесчисленное количество раз цитировался и пересказывался, статус и происхождение этого важнейшего документа не были понятны.

Обращение к архиву Я.К. Грота позволило прояснить, откуда его сын почерпнул сведения для «экстракта». Напомним, что филолог, будущий академик Яков Карлович Грот осенью 1852 г. стал учителем великих князей, среди которых был будущий цесаревич Николай Александрович. По его просьбе с этого времени его жена, Наталья Петровна, стала вести подробный дневник, куда записывала рассказы мужа о процессе обучения цесаревича⁸. Закончив свою деятельность при дворе в конце 1859 г., Грот на основе этого дневника написал большую мемуарную записку, по объему — целую книгу, дополненную некоторыми деталями, отсутствующими в дневнике⁹. По сути, присланный Мазону текст представляет собой краткий пересказ некоторых фрагментов этих документов.

⁵ См.: *Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891. Paris, 1914. P. 339–341.*

⁶ Обзор свидетельств см. в преамбуле и примечаниях С.В. Друговейко к публикации писем Гончарова к А.Н. Майкову (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 339–340, 354–358).

⁷ «Искать я ничего не искал: напротив, все прятался, со страхом и трепетом принял приятное и лестное приглашение В.П. Титова заняться с покойным цесаревичем литературой (в ожидании, пока найдут другого учителя, вместо заблестшего) и потом испугался, оробел своей несостоятельности, по части знаний и педагогических способностей, а более дрожал за свою ответственность в этом важном деле — и с большой печалью удалился» (*Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 388*).

⁸ Записки, касающиеся службы мужа моего Я. К. Г. при Дворе и воспитания Августейших детей Государя: Наследника Цесаревича и В.К. Николая Александровича и В. К[няз]ей Александра Александровича, Владимира и Алексея Александровичей. Продолжение, часть III-я. С декабря 1857 года по конец 1858 года // СПБФ АРАН. Ф. 137 (Я. К. Грот). Оп. 2. Ед. хр. 127; То же. С начала 1859 года. Писано со слов самого Грота // Там же. Ед. хр. 128.

⁹ СПБФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132 (черновик и авторизованная копия записки, датированной 5 апреля 1860 г.).

В конце XIX — начале XX веков дневник Н.П. Грот был доступен историкам. Так, во многом на основании этого дневника Б.Б. Глинский написал очерк педагогической деятельности Я.К. Грота при дворе¹⁰. С.С. Татищев неоднократно ссылается на него¹¹ в своей книге о юности императора Александра III, опубликованной лишь в наши дни¹². В 1906 г. К.Я. Грот привел две выдержки из материнского дневника в публикации материалов об отношении вел. кн. Александра Александровича к своему отцу¹³. С тех пор к этому важнейшему документу, по-видимому, никто не обращался.

¹⁰ «...Мне удалось ознакомиться с некоторыми рукописными документами из богатейшего архива покойного академика. Документы эти, не подлежащие в ближайшем будущем опубликованию, заключаются преимущественно в воспоминаниях самого Якова Карловича или в записках его супруги, тщательно ведшей длинную летопись жизни своего мужа» (*Глинский Б.Б.* Наставник царских детей // Исторический вестник. 1896. № 1. С. 232).

¹¹ В архиве Татищева сохранились выписки и из других документов, касающихся обучения наследника. К примеру, историком отмечено, что 21 декабря 1857 г. воспитателем царских детей Н.В. Зиновьевым был сделан доклад императору с информацией, что преподавателем русского языка к наследнику назначен Гончаров с платой по 8 рублей за урок (РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 28, со ссылкой на общий архив Министерства императорского двора, связка 3605, дело 40; к этому же делу позднее обращался Андре Мазон, см.: *Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. P. 339–340; в части архива Министерства императорского двора, хранящейся в РГИА, этого документа обнаружить не удалось). Им был также скопирован «Журнал учебных занятий цесаревича Николая Александровича. 1858–1862» (Там же. Л. 71–85; начинается с сентября 1858 г.) и «Краткая записка о занятиях наследника по русскому языку и русской истории», составленная Я. К. Гротом для нового воспитателя царских детей С.Г. Строганова (Там же. Ед. хр. 17; датирована 4 ноября 1859 г.).

¹² См.: *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. статья Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 78 pass. Подлинники выписок хранятся: РГИА. Ф. 878. Оп. 1. Ед. хр. 23. Приведенные в работе Татищевы выписки из дневников Н.П. Грот были процитированы (с неверным указанием на источник цитирования) в кн.: *Вербицкая Т.* Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М., 2010. На основе цитат из работ Мазона и Татищева несколько популярных статей написал В.И. Мельник; см.: *Мельник В.И.* 1) И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича Николая Александровича Романова // Социальное служение: традиционные и новые формы. XII Свято-Елизаветинские чтения. М., 2011. С. 55–62; 2) И.А. Гончаров и царская семья (цесаревич Николай Александрович) // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XV научно-богословской конференции (16 мая 2012 г.). Йошкар-Ола, 2012. С. 135–146; 3) О преподавательской деятельности И.А. Гончарова при императорском дворе // Воспитание школьников. 2013. № 9. С. 65–69; 4) И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича // Роман-журнал XXI век. 2016. № 4. С. 10–12.

¹³ См.: Император Александр III в отношениях своих к наставнику своей

Назначение Гончарова произошло в то время, когда росло недовольство императора учебным наставником цесаревича В.П. Титовым и когда разгорался конфликт между ним и воспитателем царских детей генералом Н.В. Зиновьевым. Кроме того, в помощники Титову в марте 1858 г. был назначен А.Ф. Grimm¹⁴, несмотря на то, что их педагогические взгляды резко расходились. Все это привело к тому, что в мае 1858 г. Титов был вынужден уйти с должности, которую и занял Grimm, вытребовавший себе дополнительные полномочия и большую независимость от Зиновьева¹⁵. Эти и другие конфликты отразились в подробном дневнике Н.П. Грот, где восстанавливается исторический контекст и рассказывается о тех придворных интригах и конфликтах, свидетелем и отчасти участником которых невольно становился автор «Обломова». Особо обращает на себя внимание низкая оценка профессиональных и человеческих качеств В.И. Классовского¹⁶, о котором его гимназические ученики отзывались восторженно¹⁷. Кроме того, из дневника видно, что отсутствие опыта у Гончарова не позволило ему продолжать вести занятия и что его мнение о себе как о педагоге (см. цитированный выше фрагмент автобиографии) совпало с мнениями Грота и Титова.

Приведем фрагменты дневника, дающие несколько дополнительных штрихов к тем сведениям, что сообщил Мазону сын Грота, а также дополняющие Летопись жизни и творчества Гончарова.

17 декабря. [1857]¹⁸

По переезде Двора в С. Петербург (24 ноября) муж мой был особенно много занят все это время. Болезнь Титова продолжалась недели две, что заставляло мужа ездить каждый день иногда даже после обеда. Классовский же, русский учитель, уехал за границу с детьми В[еликой] Книги-

юности: (Несколько документов и современных свидетельств) / Сообщил К.Я. Грот // Старина и новизна. СПб., 1906. Кн. 11. С. 1–2.

¹⁴ Н.П. Грот свидетельствует, что Grimm стал присутствовать при уроках вел. кн. Николая Александровича начиная с 12 марта (СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 128. Л. 28 об.).

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Вербницкая Т.* Несостоявшийся император. С. 61–63; *Сидорова А.Н.* Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2016. С. 213–229.

¹⁶ Владимир Игнатьевич Классовский (1815–1877), филолог, педагог, издатель ряда учебных пособий и комментированных изданий классиков; много лет преподавал при дворе. Список произведений, прочитанных Классовским с цесаревичем, см.: *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 331–332.

¹⁷ См., к примеру, воспоминания Ф.И. Буслаева (*Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. С. 22–27) и П.А. Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. СПб., 1906. Т. 1. С. 78–79).

¹⁸ Здесь и далее: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 127; с указанием в скобках номера листа.

ни Марии Николаевны¹⁹ и Вел[икие] Князя остались без русского учителя. Муж должен бы был взять на себя на это время занятия русским языком со всеми тремя В[еликими] Князьями; но видя, как это обременительно, нарочно не вызывался заниматься даже с Николаем Алекс[андровичем], так что Титов стал искать учителя и просил в этом содействия мужа и Плетнева. Но, верный своей мысли во всем отделять В[еликого] Князя Николая А[лександровича], он ищет вместе с тем младшим братьям его другого, особого преподавателя. Плетнев предложил сначала для Наследника Майкова, который был прежде у мужа моего, и в разговоре с ним откровенно сознался, что не может взять на себя преподавания, потому что это для него область совершенно незнакомая. Муж передал это Титову, который пожелал все-таки познакомиться с Майковым, и он провел у него вечер с мужем и Плетневым, и я также была звана в этот день. Майков рекомендовал своего бывшего преподавателя Гончарова, — человека, который, по его мнению, был энтузиаст своего дела и внушил ему большую любовь к литературе. Тут было прочитано письмо Гончарова, с которым Майков уже объяснялся, и первый с скромностью и нерешительностью боялся взять за дело. Его ответ, в котором он говорил, что он будучи энтузиастом мог передавать свои сведения юношам, которым он желал сообщить свои увлечения, опасается взяться за дело там, где в воспитании должна быть соблюдена мера и такт, чтоб все было в гармонии и ничто не выдавалось и не преобладало на счет другого²⁰. Титов доказывал, что это забота излишняя и что, напротив, каждый преподаватель должен стараться внушить любовь и страсть к своему предмету, и что стремления одного заставить преобладать свой предмет должны коралироваться стремлениями других к тому же. Кроме Гончарова у Титова был еще и Галахов²¹, и Титов хотел по знакомству с обоими решить свой выбор²². После Гончаров провел вечер у него, и муж с Плетневым, опять были приглашены. Гончаров очень понравился Титову и вследствие того был взят. [...]

Муж мой присутствовал на первых двух уроках Гончарова. Первый был хорош, потому что был, конечно, тщательно приготовлен и составлял

¹⁹ Мария Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская (1819–1876), сестра Александра II.

²⁰ Это письмо неизвестно.

²¹ Алексей Дмитриевич Галахов (1907–1892), историк литературы, педагог, составитель ряда широко известных хрестоматий.

²² Очевидно, этот вечер состоялся 30 ноября; сохранилось письмо Гончарова к А.Н. Майкову с отказом ехать к Титову: «А мне ехать с Вами сегодня к [Тито]ву ни в каком случае было нельзя, если б я даже и решился принять предложение: что это за смотр и к чему он повел бы его? В полчаса он узнал бы, что ли, что я могу преподавать словесность? Ведь нет: он увидал бы только, что я прилично одет и прилично веду себя в комнате, да это он уже знает, потому что видел меня в двух весьма порядочных домах, куда неприличных людей не пускают. Во всяком случае ему нужно бы было еще справляться обо мне везде» (Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 357). После этого состоялся еще обмен письмами; в итоге, как видим, Майков уговорил Гончарова.

род вступительной лекции. Второй не совсем ему понравился, потому что Гончарову явно недостает ясности и основательных положительных и отчетливых сведений. Его объяснения часто не совсем удовлетворительны. После урока Титов пустился с ним в длинные прения о преподавании его предмета, не спросив у мужа ни одного совета, ни одного мнения. Мужа часто поражает самонадеянность этого человека, имеющего так же мало глубины и основательности в знаниях, как и твердости в убеждениях. Между тем Зиновьев все брал мужа в сторону и говорил, что странно как взят для преподавания человек, который не имеет никакой ученой степени, никакого диплома. Ответ мужа, что он известен своими литературными трудами и что это часто соответствует даже в глазах Университетов и ученых сословий диплому, не удовлетворил его. Он все повторял: «Да, это все хорошо, но перед законом оно, как хотите, ничего не значит». (Л. 2–3об.)

1 апреля. [1858]

[...] Сегодня муж, рассматривая занятия по приготовлению к Гончарову Наследника, увидел, что он переводит какой-то психологический непереводимый по своим утонченностям отрывок из Лабрюера о женщине — а в тетради его есть объяснения и определения, напр[имер], разных родов истории, задачи истории и проч. до того неясные, неточные и даже вовсе неверные, [что] и наконец довольно грубые орфографические ошибки. В разговоре об этом с Титовым муж откровенно сказал, что, по его мнению, во всяком деле необходима практика и опытность, и что как он ни уважает Гончарова как литератора и человека, но не может смотреть на него как на хорошего преподавателя. Титов не только согласился с этим, но сам стал рассказывать разные случаи, показывающие, что Гончаров для преподавания языка не годится, и что он уже сам в этом убедился и говорил ему, что он не сможет остаться. (Л. 35 об.)

[Запись от 19 мая 1858]

Гончаров [...], чувствуя недостаточность своих теоретических знаний в языке, отказывается от преподавания рус. языка наследнику, говоря, что может остаться если угодно для чтений и просил мужа сказать о том Титову. Но муж не желал мешать Титова в дела до него уже не касающиеся, а сказал это Гримму, который отвечал: «Так значит нам надо думать о новом русском преподавателе». (Л. 60–60 об.)

12 июня. [1858]

[...] На днях муж узнал от Гримма, что Классовского опять берут для русского языка. [...] Муж был возмущен этим выбором для наследника, — тем более, что Классовский теперь заменит Гончарова, человека такого талантливого, хотя и имеющего мало ученых сведений. Но тут к сожалению уже решительно ничего нет: кроме того, что Классовский имеет не весьма обширные и основательные познания, что он даже во многом дает объяснения неверные и произвольные, — он, главное, не имеет нравственных свойств порядочного человека: низкопоклонен до лести и унижения, угодлив с В[еликими] Князьями и потворствует им: одним словом, принадлежит к числу таких людей, которых надо бы удалять от них, а не приближать к ним. Когда муж выразил свое удивление этому выбо-

ру, Grimm старался оправдать себя тем, что этот человек был уже тут прежде, что его рекомендуют императрице, и генералы²³ желают его и проч. (Л. 69 об.)

4 февраля. [1859]²⁴

Сегодня Grimm сказал Якову Карловичу, что он решается по совету его взять для русской литературы Гончарова. Он будто бы разделяет мнение мужа, что наследнику надо проходить русскую литературу практически, в чтениях и наглядном знакомстве с писателями, начиная от Ломоносова. Муж давно повторял, что сухие литературные и теоретические объяснения надо делать именно при самых чтениях.

Незадолго до того Grimm говорил мужу, что он опять приостановил было искать русского учителя, потому что Классовский писал, что он надеется быть на днях опять у В[еликого] Князя на уроке. Но Обломьевский²⁵, который лечит его, сказал, что надежда плоха. (Л. 16 об. — 17)

7-го февраля [1859].

Сегодня Grimm объявил Якову Карловичу, что Гончаров отказывается от преподавания наследнику и решительно объявил, что за другими своими цензурными и литературными занятиями не может принять его предложения, не имея достаточно времени. Между тем еще недавно у Плетнева Гончаров говорил мужу, что он вполне согласен был бы *читать* с наследником, если б Яков Карлович согласился преподавать теорию языка и словесности, прибавляя, что от Якова Карловича зависит устроить, чтоб он имел дело только с ним, а не с Grimmом, и тогда он согласен будет опять вступить. На это муж отвечал ему, что если б что-нибудь тут от него зависело, то многое конечно шло бы иначе, и что он немало противодействовал назначению Классовского, поступив в этом случае даже против своих правил, ибо никогда не любит и не любил вредить другим, и говорить что-либо касающееся чужой личности. Но тут интерес к занятиям и ходу образования наследника заставил его сказать откровенное мнение о Классовском как преподавателе. Но это не помогло, и Grimm все-таки сделал по-своему. Очевидно, что если б теперь Grimm повел переговоры с Гончаровым через Якова Карловича, тот бы наверное согласился. Но Grimm сунулся сам, а ему непременно всякий порядочный человек русский откажет, так все у нас восстановлены против этого выбора иностранца — искателя приключений.

Чем же кончилась опять-таки история преподавания русского языка? Grimm смиренно обратился к мужу, прося его взять на себя русский язык, пока Классовский болен. (Л. 18–18об.)

Другой упомянутый выше документ, записка Грота о преподавании наследнику, насколько нам известно, еще не был введен в на-

²³ Воспитатели великих князей Н.В. Зиновьев и Г.Ф. Гогель.

²⁴ Здесь и далее: СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 128; с указанием в скобках номера листа.

²⁵ Дмитрий Федорович Обломиевский (1804–1865), придворный медик, лейб-хирург.

учный оборот, и историки царской семьи к нему не обращались. Хотя здесь Грот и следует за дневником жены, но дополняет свой текст некоторыми новыми деталями. «Шесть лет и 7 месяцев, т. е. от 3 февраля 1853 до 8-го сентября 1859 г., — начинаю свою записку Грот, — участвовал я в воспитании сыновей императора Александра II-го. Все это время жена моя по моим рассказам терпеливо вела подробные записки о службе моей при Дворе. Теперь же, недавно оставив эту службу, я намерен написать более сжатый очерк того, что видел и испытал в этой сфере своей деятельности. Постараюсь быть вполне беспристрастным и правдивым. Рассказ мой будет, надеюсь, назидателен для многих»²⁶. Выпишем из этого текста фрагмент о преподавании русского языка и словесности наследнику в 1857–1858 гг.:

Судьба устроила, как бы нарочно назло человеческим распоряжениям, что преподавание русской словесности несколько раз возвращалось в мои руки. Еще перед удалением Титова романист Гончаров, пригласенный им для занятий с наследником, чувствовал, что при всем своем таланте он не приготовлен для передачи положительных сведений, и стал отказываться от продолжения уроков. Вскоре после поступления Гримма он вышел, получив за свои труды весьма скудное вознаграждение: его разочли рублей по 7-и за час, тогда как он справедливо ожидал гораздо более значительной валовой суммы. Перед своим удалением он именно просил меня устроить, чтоб ему заплатили не подарком, а деньгами. Я передал это воспитателем, но конечно не мог указать им размера вознаграждения²⁷. После удаления Гончарова преподавание русс[кой] литературы надолго остановилось. По возможности я пользовался свободными часами для чтения с наследником извлечений из книг и журналов, но никто меня не просил о том, и я делал это совершенно добровольно. Наконец стали носиться слухи, что для русских уроков опять поступает Классовский, который летом 1858 возвратился из-за границы [...]. Итак, человек, который при Титове оказался не годным для преподавания, при Гримме опять делался годным. Гримм оправдывался тем, что сам он Классовского не знает, но что и императрица и генералы желают его поступления; другими словами, он сознавался, что он не судья в этом деле. Осенью Классовский действительно поступил. Опять начались для наследника новые теоретические толкования о языке и словесности, которые приносились ему в записках, склеенных из разных заимствований [sic!]. Тут не было ничего своего, живого, самостоятельно прочувствованного или даже настоящим образом переваренного. Вместе с тем задавались упражнения и делались чтения из старинной литературы. Я часто присутствовал на этих уроках, и Классовский обращался ко мне за советами, просил моих указаний; но не получив ни от кого ни малейшего полномочия на это, я не мог деятельно руководить его уроками, тем более, что и Гримм, для

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132. Л. 141.

²⁷ 19 июля 1858 г. управляющий Петербургским учебным округом П.А. Плетнев вручил Гончарову высочайше пожалованный перстень (см.: *Алексеев А.Д.* Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 84).

вида, являлся на них. Занятия Классовского вскоре прерваны были болезнью его, которая продолжалась более полугода и едва не свела его в могилу. Когда она приняла опасный характер, стали думать о приискании другого преподавателя. Grimm писал к Гончарову и пригласил его к себе для переговоров, но принял его так неучтиво, растянувшись на диване (таков был обычай этого грубияна с учителями), что Гончаров решился отказать и попросил времени на размышление; воротясь же домой, написал Grimmу, что по обязанностям цензора не имеет возможности взять на себя предлагаемую должность. Тогда Grimm стал думать о других преподавателях, всё тайно от меня, и только на мой вопрос по этому делу открыл мне, что собирается ехать в какой-то частный дом слушать лекцию Галахова (издателя хрестоматий). Это открытие чрезвычайно позабавило меня, потому что я из разных случаев мог заметить, что Grimm очень плохо понимал по-русски: так иногда, находясь при каком-нибудь разговоре на этом языке, он очевидно не знал, какую мину взять — смеяться или остаться серьезным. После он рассказывал мне, что лекция Галахова, по своему теоретическому характеру, ему не понравилась! Прошло еще несколько времени. Наконец я услышал от него, что императрица, шадя Классовского и боясь нанести ему смертельный удар известием о поступлении на его место другого преподавателя, решилась дожидаться его выздоровления. Около того же времени Grimm обратился ко мне с просьбой, чтоб я начал регулярно читать с Ник[олаем] Алекс[андровичем] русских писателей от Ломоносова в хронологическом порядке. Так как я и без того продолжал, по возможности, свои русские чтения с наследником, то я не имел причины не согласиться на это. Вся разница была в том, что теперь я мог приступить к методическому чтению, тогда как до сих пор я читал то, что представлялось мне наиболее занимательным и нужным: так я прочел ему в Царском селе почти всего Евгения Онегина и многое из Державина. И то и другое находило в нем живое сочувствие и, смею надеяться, принесло ему некоторую пользу, сообщив ему кое-какие положительные сведения, что я ко всему прилагал объяснения, и сверх того подвинул его в развитии эстетического чувства. Державин приводил его в изумление красотою, которых он вовсе не предполагал в ком-нибудь из старинных наших поэтов. Теперь познакомил я его с Кантемиром, Ломоносовым и Сумароковым, разнообразя чтение биографическими о них рассказами и критическими замечаниями. Наконец весною 1859 года, уже в Царском селе, возвратился опять Классовский и стал продолжать чтение писателей по той же идее. Предоставляю судить каждому, в какой степени эти беспрестанные перемены лиц в преподавании одного из важнейших предметов учения могли быть благотворны для царственного питомца²⁸.

Учебные тетради цесаревича по словесности до нас не дошли²⁹, но в его бумагах хранится книга, озаглавленная «Аттестации по

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 132. Л. 224 об.–226.

²⁹ В отличие от тетрадей другого высочайшего ученика Гончарова, вел. кн. Константина Константиновича (о них см.: *Балакин А.Ю.* И.А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича: (Новые материалы) // Русская литература. 2017. № 4).

урокам и экзаменам цесаревича Николая Александровича», которая велась с 1856 по 1859 г.³⁰ К сожалению, за интересующий нас период времени записи в ней велись не слишком подробно: не указывалось, в какой день какие занятия проводились, а записывалось только их наличие или отсутствие, и фиксировалась оценка по 12-балльной шкале; иногда оценка сопровождалась краткими комментариями.

Согласно этой книге, первый урок Гончарова состоялся между 7 и 14 декабря 1857 г., здесь же стоит помета: «Отметок еще не было». Затем занятия продолжаются каждую неделю до 31 января 1858 г., оценки колеблются от 8 («удовлетворительно») до 10 («хорошо»). За первую неделю февраля, с 1 по 9 число, ведомости нет (вероятно, это были своеобразные каникулы), далее уроки продолжаются с 10 февраля по 15 марта еженедельно; на неделе с 16 по 20 марта урока не было; с 29 марта по 19 апреля, затем следует перерыв до 26 апреля, и с этого дня по 14 июня уроки продолжают еженедельно. Затем, очевидно, занятия прерываются на каникулы и снова начинаются в августе, но имени Гончарова в ведомостях уже не встречается.

Как видим из оценок, Николай Александрович не был прилежным учеником, во всяком случае, особого интереса к российской словесности он не проявлял. Об этом отчасти свидетельствуют и примечания. Так, на неделе между 4 и 11 января стоит оценка 10 и примечание: «Неделя, за немногими исключениями, принадлежит к наилучшим. Кроме Русской Истории были Уроки по 12 бал[лов]: в Законе Божиим и Русской словесности»³¹; на неделе между 20 и 29 марта — оценка 8 и примечание: «Перевод хорош, повторение не удачно»³²; на неделе между 17 и 24 мая: «Оценка 8 для русского языка относится не к прилежанию во время урока, но указывает, что домашние задания не приготовлены должным образом»³³; и наконец, на неделе между 31 мая и 7 июня — оценка 8 с примечанием: «Оценка относится исключительно к заинтересованности, которую его высочество проявляет во время уроков. Выполнение домашних заданий оставляет желать много лучшего»³⁴.

Возможно, дальнейшие разыскания в архиве цесаревича Николая Александровича позволят обнаружить и другие документы о том, как автор «Обломова» преподавал ему русский язык и литературу.

³⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. № 2486, ч. 1.

³¹ Там же. Л. 131.

³² Там же. Л. 151.

³³ Там же. Л. 165; подлинник по-французски.

³⁴ Там же. Л. 165; подлинник по-французски.

Литература

Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 367 с.

Балакин А.Ю. И.А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича: (Новые материалы) // Русская литература. 2017. № 4. С. 162–165.

Вербицкая Т. Несостоявшийся император: Великий князь Николай Александрович (1843–1865). М.: Центрполиграф, 2010. 352 с.

Литературное наследство. Т. 102: И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 735 с.

Мельник В.И. И. А. Гончаров как преподаватель цесаревича Николая Александровича Романова // Социальное служение: традиционные и новые формы. XII Свято-Елизаветинские чтения. М., 2011. С. 55–62.

Мельник В.И. И.А. Гончаров и царская семья (цесаревич Николай Александрович) // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XV научно-богословской конференции (16 мая 2012 г.). Йошкар-Ола, 2012. С. 135–146.

Мельник В.И. О преподавательской деятельности И.А. Гончарова при императорском дворе // Воспитание школьников. 2013. № 9. С. 65–69.

Мельник В.И. И.А. Гончаров как преподаватель цесаревича // Роман-журнал XXI век. 2016. № 4. С. 10–12.

Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2016.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; вступ. статья Н.А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М.: ТРИТЭ; РГИА, 2002. 720 с. (серия «Рос. архив»)

Трофимов Ж.А. Брат романиста Николай Гончаров: Биогр. очерк. Ульяновск, 2008. 78 с.

Mazon A. *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891*. Paris: Champion, 1914. X + 473 p.

References

Alekseev A.D. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova* [Chronicle of life and creativity I.A. Goncharov's]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1960. 367 p.

Balakin A.Yu. "I.A. Goncharov — uchitel' velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha: (Novye materialy)" [I.A. Goncharov — teacher of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich: (New Materials)]. *Russkaia literatura*. 2017. № 4. P. 162–165.

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 102: "I.A. Goncharov: Novye materialy i issledovaniia" [I.A. Goncharov: New materials and research]. Moscow, IMLI RAN — Nasledie Publ., 2000. 735 p. (In Russ.)

Mazon A. *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. 1812–1891*. Paris, Champion, 1914. X + 473 p.

Mel'nik V.I. "I.A. Goncharov kak prepodavatel' tsesarevicha Nikolaia Aleksandrovicha Romanova" [I.A. Goncharov as a teacher of the Tsesarevich Nikolai Aleksandrovich Romanov]. In: *Sotsial'noe sluzhenie: traditsionnye i novye formy. XII Sviato-Elizavetinskie chteniia* [Social service: traditional and new forms. XII Holy Elizabethan Readings]. Moscow, 2011, pp. 55–62. (In Russ.)

Mel'nik V.I. "I.A. Goncharov i tsarskaia sem'ia (tsesarevich Nikolai Aleksandrovich)" [I.A. Goncharov and the Tsar's Family (Tsarevich Nikolai Aleksandrovich)]. In: *Khristianskoe prosveshchenie i russkaia kul'tura: Doklady i soobshcheniia XV nauchno-bogoslovskoi konfe-*

rentsii (16 maia 2012 g.) [Christian Enlightenment and Russian Culture: Reports and Reports of the XV Scientific and Theological Conference (May 16, 2012)]. Ioshkar-Ola, 2012, pp. 135–146. (In Russ.)

Me'nik V.I. "O prepodavatel'skoi deiatel'nosti I.A. Goncharova pri imperatorskom dvore" [On the teaching activity of I.A. Goncharov at the imperial court]. *Vospitanie shkol'nikov*. 2013, no. 9, pp. 65–69. (In Russ.)

Me'nik V.I. "I.A. Goncharov kak prepodavatel' tsesarevicha" [I.A. Goncharov as a teacher of the Tsesarevich]. *Roman-zhurnal XX vek*. 2016, № 4, pp. 10–12. (In Russ.)

Sidorova A.N. *Vospitanie velikikh kniazei v sem'iakh imperatorov Nikolaia I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoi deiatel'nosti): Diss. na soiskanie uch. st. kand. ist. nauk*. [Education of the Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II (preparation for state activity): Dissertation]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Tatishchev S.S. "Detstvo i iunost' velikogo kniazia Aleksandra Aleksandrovicha" [Childhood and youth of the grand duke Alexander Aleksandrovich], ed. S.S. Atapin, V.M. Lupanova; introd. N.A. Malevanov. *Velikii kniaz' Aleksandr Aleksandrovich: Sbornik dokumentov* [Grand duke Alexander Aleksandrovich: Collection of documents]. Moscow: TRITE; RGIA publ., 2002. 720 p. (In Russ.)

Trofimov Zh.A. *Brat romanista Nikolai Goncharov: Biogr. ocherk* [Brother of the novelist Nikolay Goncharov: Biogr. Sketch]. Ul'ianovsk, 2008. 78 p. (In Russ.)

Verbitskaia T. *Nesostoivshiisia imperator: Velikii kniaz' Nikolai Aleksandrovich (1843–1865)* [Unsuccessful Emperor: Grand Duke Nikolai Alexandrovich (1843–1865)]. M.: Tsentrpoligraf Publ., 2010. 352 p. (In Russ.)

Ivan Goncharov as a Teacher of Nikolay Aleksandrovich, the Crown Prince of Russian Empire (New materials)

Alexey Balakin

Abstract: The article introduces into scientific discourse new documents that describe how I.A. Goncharov was teaching Nikolay Aleksandrovich, the crown prince and the heir to the throne, Russian and literature (1857–1858). The documents are: a memoir by Ya.K. Grot, a the crown prince's teacher, and Nikolay Aleksandrovich's class register book for the period when Goncharov was teaching him.

Keywords: I.A. Goncharov, crown prince Nikolay Aleksandrovich, Ya.K. Grot, V.P. Titov, V.I. Klassovsky, Imperial Household, teaching.

Information about the author: Alexey Yu. Balakin, senior research fellow, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Assistant Professor at Saint-Petersburg State University. E-mail: balakin@inbox.ru